

Люди, которые остались в моей памяти *

Алексей Никифорович Михайлов — ветеран 5 армии. В октябре 1941 г. — младший политрук, политрук 7 стрелковой роты 322 СП 32 СД. Воспоминания написаны в 1967 г.

Участники обороны Москвы октябрь 1941 г. Бородинское поле. 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия. 322 стрелковый полк.

1. Командир полка — полковник Николай Иванович Полянский — кадровый командир. В годы Гражданской войны станкист-пулеметчик в 1-й конной Армии.

2. Комиссар полка — старший политрук Иван Баканов (отчество не знаю) — кадровый политработник. Переведен к нам из 95 СП¹ нашей же дивизии.

3. Начальник штаба полка — майор Наумов (имя и отчество не знаю). Призван из запаса в конце 1940 г. Тактичный, выдержанный, грамотный командир, (говорили, что он быв. штабс-капитан).

4. Секретарь партбюро полка — политрук Панышин Андрей кадровый политработник. Очень живой общительный.

5. Агитатор полка, политрук Иван Легостаев (отчество не знаю), бывший учитель, уроженец Алтайского края. Призван в 1940 г. Грамотный политически. Прост в обращении, выдержанный.

6. 1-й помощник начальника штаба полка - старший лейтенант Алексей Иванович Кузьмин — кадровый командир. Тактичный, уравновешенный, трудолюбивый, трезвый.

7. Адыютант командира полка — лейтенант Иван Лотарев кадровый командир. Очень живой, расторопный, общительный.

8. Начальник боепитания полка — техник-интендант 1-го ранга Андрей Пономарев уроженец г. Саратова, кадровый командир.

* ГБВИМЗ. НВФ. Д.2633.

Выдержанный, трезвый, любящий свое дело.

9. Командир 2-го батальона — капитан Василий Алексеевич Щербаков кадровый командир. Очень спокойный, грамотный в военном деле, прост в обращении.

10. Адъютант 1-го батальона (начальник штаба батальона). Старший лейтенант Портянкин — кадровый командир.

II. Командир 4 стрелковой роты 2-го батальона — лейтенант Григорий Глухов — кадровый командир. Очень живой, темпераментный, грубоват, но в военном деле грамотный.

12. Командир взвода 4 роты — лейтенант Целищев (имя, отчество не знаю) кадровый командир.

13. Командир 3-го батальона — капитан Борис Васильевич Зленко кадровый командир. Уроженец г. Ростова-на-Дону, бывший грузчик. Очень физически развит, занимался мотоспортом. Часто участвовал в соревнованиях в масштабе Военного Округа и Всеармейских. Грамотный в военном деле, прост в обращении. Пользовался авторитетом среди командиров и бойцов.

14. Адъютант 3-го батальона (нач. штаба батальона) — капитан Алешин (имя, отчество не знаю) — кадровый командир. В военном деле и в общем кругозоре не рос, жил старым багажом знаний.

15. Командир 7 стрелковой роты — лейтенант Петр Трофимов (отчество не помню) кадровый командир. В роту назначен в день отправки на фронт.

16. Политрук 7 стрелковой роты — младший политрук Алексей Никифорович Михайлов кадровый политработник г. Саратова². Много читал, учился. Будучи в армии окончил 10 кл., в 1940 г., хотел поступить в академию, но помешала война, любил выполнять роль строевого командира.

17. Командир 1 взвода 7 стр. роты - старший сержант срочной службы Дмитрий Попов. Уроженец Читинской обл. ,чл. ВЛКСМ,

любящий военное дело, грамотный, дисциплинированный, смелый, знал стрелковое оружие на отлично.

18. Командир 2 взвода 7 стр. роты — младший лейтенант Полищук. Безразлично относящийся к своим обязанностям. Не растущий, не требовательный, явно тяготившийся своей службой в армии.

19. Помощник командира 2-го взвода — сержант Выдрин. Уроженец Северного Казахстана. Срочной службы. Очень дисциплинирован, грамотный в военном деле. Стрелковое вооружение взвода ж роты знал в совершенстве.

20. Командир 3-го взвода 7 стр. роты — младший лейтенант Петр Тофинцев кадровый командир. В военном деле грамотный, политически неразвит. Тяготился службой в армии.

21. Командир пулеметного взвода 7 стр. роты - зам. политрука срочной

службы Афанасий Михайлович Гук, уроженец Алтайского края. Дисциплинирован, грамотный в военном деле, политически развит. Пользовался авторитетом среди командиров и бойцов.

Рядовые бойцы 7 стр. роты (старослужащие) уроженцы Алтайского края.

22. Ручной пулеметчик 1-й номер — Алексей Фомич Поздняков. «Профессор» стрельбы из ручного пулемета. Снайпер.

Ручной пулеметчик 2-й номер — Петр Гусев.

Боец ротный писарь — Анатолий Васильевич Черепанов.

Учитель начальной школы.

25. Командир отделения ротных минометов — сержант срочной службы Тимофеев.

26. Боец минометчик Алексей Стариков

27. Снайпер Иван Девятов.

28. Боец стрелок Акшаев казах, уроженец Северного Казахстана.

29. Станкист-пулеметчик сержант срочной службы Алин уроженец Северной Осетии, адыгеец.

30. Станкист-пулеметчик Чуприна сержант срочной службы, 3-я пулеметная рота, украинец.

Призыва мая 1941 года:

31. Сержант Бакшеев, Тюменская область.

32. Боец Виталий Огнев, Тюменская область.

33. Боец Евтушенко — школьник из г. Благовещенска.

С Западной Украины:

34. Боец Слива — украинец.

35. Боец Шинкарук — украинец.

36. Боец Войцеховский по национальности поляк.

37. Боец Купершмидт — еврей, не работал.

38. Боец Величкер — еврей, бывший грузчик.

Вот эти люди, которые остались в моей памяти, с которыми мне пришлось разделить тяготы боевой жизни по обороне Москвы.

В большинстве это смелые, храбрые ребята были. Немцев били толково, без паники, хотя также сетовали на плохое вооружение и плохое снабжение боеприпасами. Но самовольно не уходили с боевых постов. Они стояли насмерть.

Но ведь семья не без уroda. Были и такие, которые ушли к немцам в плен сами. Это: Слива, Шинкарук и Купершмидт.

Кто погиб на поле брани, защищая свою Родину, народ, Москву, тому вечная Слава, а вот кто был ранен, и какова их судьба в дальнейшем, я не знаю.

Бородинское поле 15 – 27 октября 1941 г. 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия, 322 стрелковый полк, 3-й стрелковый батальон, 7-8 стрелковые роты.

Начало войны застало нас на зимних квартирах на станции Раздольное Приморской железной дороги, в 70 километров от города

Владивостока и 41 километр от Уссурийска. По тревоге мы двинулись на Уссурийск там дальше в сопки. Встали лагерем около села Яконовка. Началась упорная учеба, приближенная к боевой обстановке. Старшие и средние командиры, младшие командиры и бойцы, которым осенью 1941 г. кончался срок службы, писали рапорта о посылке их на фронт, на борьбу с немецкими фашистами. Но всем было вежливо отказано в этом. Наконец долгожданный приказ дан. Едем на фронт всей дивизией. В роту получили автоматы 10 шт. (пистолет-пулемет Дегтярева — ППД). В дороге изучали их материальную часть. Мы с командиром роты лейтенантом Бекетовым готовились к боям: лишнее имущество сдается на склад, больные бойцы переводятся в другие подразделения, которые остаются здесь на Дальнем Востоке, у нас из роты берут командира пульвзвода Мухортова, а на следующий день еще удар: командира 7 стрелковой роты лейтенанта Якова Бекетова откомандировать на подготовительные курсы для поступления в академию. А вот приказ начальника Политуправления Красной Армии т. Мехлиса запрещал политработникам выезжать с Дальнего Востока на сдачу экзаменов в Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. Моя учеба в академии сорвана. Принимаю роту.

1 сентября 1941 года мы всем батальоном на воинской площадке в Уссурийске. Подают вагоны, и мы будем грузиться в них.

Меня вызывает комбат 3, капитан Борис Васильевич Зленко. Представляет мне лейтенанта как командира 7 стр. роты. Представляемся друг другу:

— Лейтенант Петр Трофимов.

— Младший политрук Алексей Михайлов. Идем к роте, по дороге знакомимся. Он, Трофимов, из другой дивизии. Был командиром взвода, писал рапорта о посылке на фронт и вот его мечта сбылась. Назначали к нам в дивизию.

Выстраивают роту, и представляю ей командира роты. Подают вагоны. Команда: «По вагонам»

Прощаемся с Бекетовым. Он пришел проводить роту. Мы поехали на фронт. Ехали быстро. Москва. Нет, не выгружаемся. Едем дальше. Бологое. Наверно в Ленинград. Тихвин. Тютербачево, вот наша остановка. Выгружаемся, строимся в колонну и двигаемся к первенцу электрификации — Волховской гидроэлектростанции. Она замаскирована под местность серо-зеленого с черными пятнами.

Итак, мы от Уссурийска до ст. Тютербачево доехали за 12 суток. От Владивостока до Москвы скорый поезд шел 12 суток. По мосту проходим через р. Волхов. Слева гидроэлектростанция. Все смотрим. Ведь мы впервые видим гидроэлектростанцию. Идем дальше и, не дойдя с километр до с. Оломна, остановились на ночевку. Маскируемся. Высылаем караулы. Но фронта не слышно. Мы думали, из вагона и прямо в бой. О современной войне мы почти не знали. Это плохо.

Особенно нам, политработникам. Наша дивизия попала в резерв Главного командования. Так продолжалось до начала октября. А потом тревога, построение. Объявлен приказ о переброске дивизии. Куда?

Пехотными колоннами двигаемся от фронта обратно к Волховской ГЭС и дальше к станции Тютербачево, а там уже вагоны. Грузимся и поехали на Восток. Немецкая авиация начала нас беспокоить, но пока без потерь.

На станции «Валя» 29 шт. немецких бомбардировщиков начали нас бомбить. Наши зенитные средства были слабые: станковые пулеметы, да винтовки.

Самолеты строятся в круг, «карусель» и поочередно пикируют на эшелон, сбрасывая свой смертоносный груз, который, идя к земле, завывает ноющим звуком, действуя на слабонервных угнетающе, да к этому ноющему вое пилот включает сирену с резким режущим звуком, да мотор ревет. Все это создается звуковой хаос, который действует

морально угнетающе, на командиров и бойцов. Тем более на нас, которые впервые попали под такую бомбежку. Люди из вагонов выбежали в лес, благо он рядом с железнодорожным полотном. Немецкие летчики, видя, что зенитных пушек нет, а пулеметы им не страшны, обнаглели, на бреющем полете летали над эшелоном, обстреливая. Одна из бомб попала в эшелон. 7 вагонов вышло из строя. Много убитых и раненых, поврежден железнодорожный путь. Самолеты ушли «Собрали убитых, похоронили, а раненых погрузили в вагон. Помогли рассортировать эшелон, Железнодорожное полотно отремонтировать и снова в путь».

Ночью прибыли в Москву. Дальше куда? Едем ночь. Утро 5-00 светло. Остановка. Справа по ходу поезда какой-то город. Золотой купол церкви ярко блестит в утренних лучах солнца. Выгружаемся. Железнодорожная насыпь высоко, Внизу в долине стелется утренний туман. Небо чистое. Спускаемся в туман, идем по направлению города. Узнаем, что это Можайск ². Двигаемся на юг. Слышно завывание моторов. Немецкие самолеты летят бомбить.

Там подошел эшелон со 2-м батальоном. Ему досталось очень тяжело. Многие бойцы бросились в депо, но бомбы попали в него, и оно погребло под своими обломками их. Нас туман скрыл от авиации.

Прошли Можайск, двигаемся дальше. Подходим к памятнику-obelisku героям Бородинского сражения. Привал.

Командир батальона капитан Борис Васильевич Зленко собрал командный состав для постановки задачи.

Черный полированный мрамор, увенчанный золотым орлом с распростертыми крыльями, произвел на нас всех огромное впечатление, как символ силы духа русского народа, его ратных подвигов по защите своей земли.

Комбат ставит задачи: «7-й и 8-й стр. ротам и 3-й пульроте занять окопы на северной окраине деревни Утицы и в 23-00 начать атаку на

Утицы, которая занята немцами, выбить их и полностью уничтожить. В дальнейшем продвигаться вперед до эскарпа (противотанковое препятствие) и там занять оборону ³. Расположение рот будет так (см. схему №1) ⁴.

Мой командный пункт и тылы рот будут здесь, 9 стрелковая рота отправлены в распоряжение штаба дивизии. Сигнал к атаке: одна красная ракета. 7-ой стр. роте держать и оседлать дорогу идущую из с. Семеновское. Справа от нас нет никого, слева 2 батальона, левее его 1 батальон. Задача ясна! Вопросы есть? Нет. Выдать бойцам патроны, гранаты, бутылки с зажигательной смесью, накормить их и выдать НЗ (неприкосновенный запас продуктов). Санпост здесь. Ходячих раненых направлять сюда. Есть вопросы? Нет. Все разойдитесь по ротам, кормите людей сухим пайком и через 1 час шагом марш на исходные позиции. Топографических карт для командиров рот и взводов нет, ориентируйтесь по местности.

К д. Утицы подошли во второй половине дня, ближе к вечеру 15-го [14] ⁵ октября 1941 г.

8 рота заняла оборону в вырытых окопах прямо против д. Утицы на ее северной окраине, а наша 7 рота правее ее и оседлала дорогу идущую от с. Семеновское. Там были сделаны три Дзота для пулеметчиков.

Командир роты вместе со мной расставляет боевые порядки взводов, станковые пулеметы все группируются в одну пулеметную батарею под командованием и.о. комвзвода 3 пульроты старшим сержантом Чуприна.

Я пошел по взводам проверить, как подготовились к бою, и побеседовать с бойцами о предстоящем ночном бое за населенный пункт. Ночные бои мы знали, на Востоке учились не зря. Умели воевать в лесисто-горной местности, а вот здесь лесисто-равнинная местность, видать не далеко и бои за населенный пункт надо вести, где находятся

жители, так чтобы во время боя невзначай их же перебить. Все надо учесть.

Плохо, что у комроты нет карты.

И ориентироваться мы могли только на то, что видят глаза. А если это лес. Какой? Большой, малый? По-нашему представлению это тайга, а ведь это не всегда так.

На юге-западе от д. Утицы метров 800 – 1000 вал из глины. Это эскарп. В д. Утицы немцы и на северо-восточной окраине их автоматчики и пулеметчики периодически стреляют в направлении 8 роты. Пока обходимся без потерь. Солнце садится за лесом у д. Шевардино. Стало темнеть. Вдруг подъезжает «Эмка», из нее выходит полковой комиссар, представляется от имени Военного Совета фронта, приказывает собрать бойцов на митинг.

В своей речи он сказал, что враг силен, технически оснащен и коварен, злобен. Но не забудьте истории нашей Родины, здесь на Бородинском поле стояли «насмерть» русские солдаты в 1812 г. Назад отступить некуда. Командиры и бойцы сами понимали, что отступить некуда. Позади Москва.

Митинг окончен. Я интересуюсь настроением бойцов. Спрашиваю ручного пулеметчика Позднякова и его 2-го номера Гусева: «Как будем воевать?» Оба они уроженцы из Алтайского края, старослужащие. Если бы ни война, осенью им демобилизоваться из армии. Немного помолчав, они дополняют один другого:

«Приехали не умирать, а бить врага, где бы он ни был. Стоять будем насмерть! Вовремя боеприпасы подбрасывайте. И вообще Вы, тов. мл. политрук, за старослужащих бойцов и командиров не беспокойтесь. Среди нас не будет ни трусов, ни паникеров, ни предателей. Знаем мы все, зачем ехали. Понимаем: не все живы будем, война, а вот Вы послушайте, что говорит молодежь, из Западной

Украины. Уже сейчас поговаривают, как бы к Герману перейти, но с каким оружием, не с винтовкой же?»

«Это кто же так говорит?» — спрашиваю. Гусев отвечает: «Слива, Купершмидт и Шинкорук. А вот Величкер, Войцеховский — эти злые на немцев». Иду по цепи роты. Останавливаюсь, беседую с бойцами. У большинства настроение хорошее, но есть жалобы на то, что автоматов мало.

ППД всего 10 штук и они все у старослужащих. Бойцы говорят, если бы у нас ППД у полроты было, много бы было легче. Позднякову даю задание: «Кто перед началом наступления пойдет к немцам, открывай огонь без предупреждения, живым не дай уйти».

О его мастерстве в стрельбе из ручного пулемета я знал как о мастерстве профессора в этом деле. Стрелял он по заказу. Время близится к атаке. Слышу, меня ждет кто-то. Иду на зов. Передо мной политрук 8 роты мл. политрук Николай Колесников. В роту послали политруком перед посадкой в вагоны. Людей не знал. Не знал на кого опираться в роте. Это была ошибка со стороны комиссара. Колесников мне говорит: «Командира 8 роты лейтенанта Ивана Белоножко убили в затылок в окопе свои бойцы. Но кто это сделал, он не знает, и командиры взводов куда-то пропали. Бойцы мечутся по окопу...» Он меня просит, чтобы я его взял к себе в роту. Я отказал. «Коля, — говорю, — мы коммунисты обязаны быть там, где трудно. Иди в роту собери помкомвзводов и реши как лучше выполнить приказ: занять д. Утицу — ведь скоро сигнал». Он мне доказывает, что в военном деле он тупица, его в армию призвали в мае месяце, чему он за это время научился? А тут на фронт. Надо решать за командира роты.

Я ему говорю: «Вот иди и решай!» Сам думаю: «Правый фланг роты открытый теперь и левый не надежный». Но мне не верилось в то, что старослужащие бойцы паникуют. Посылаю в 8 роту своего

замполитрука Афанасия Гук и старшего сержанта Дмитрия Попова для наведения порядка.

Сам иду к Трофимову. Информировую его о событиях в 8 роте, и о мерах какие я принял. Он меня спрашивает:

—А у нас это может случиться?

—Может, — говорю, — но мною вроде меры приняты.

Сигнал — красная ракета — начало атаки. Рота по-пластунски двинулась к огородам, охватывая почти всю деревню с запада.

Я ушел на стык флангов 7 и 8 рот. Узнать, что в 8 роте. Там какой-то шум, выкрики. Наступление сорвано. Наши вернулись на исходные позиции. Перестраиваем боевые порядки роты. Молодое пополнение ставим между старослужащими

Приходит Гук, докладывает, что в 8 роте все нормально. Старослужащие очень сердиты на бойцов из Западной Украины. Они трусят и против «германа» не хотят воевать. Мы с Поповым собрали младших командиров и комсомольцев. Постыдили их за панику. Расставили бойцов. А задача ясна: Утицы надо взять.

В 24-00 началась атака. 8 рота первая ворвалась в Утицы и завязала рукопашный бой. 7 рота не отставала. Наши бойцы чувствовали себя в ночном хорошо. Учеба не прошла даром. Словно голоса: «Москвы захотелось? Получай!» И крепкое слово дополняет удар штыка или приклада. Немцы отчаянно стреляют. Осветительные ракеты висят непрерывно. Это наверно для того, чтобы видно, куда отступать. К утру дер.Утицы была освобождена от немцев. Это было утро 16 [15] ⁶октября 1941 г. Часть немцев успела отступить на юго-запад за противотанковое препятствие.

Командир роты Трофимов возбужден боем. Команды отдает четкие, его связной Акшаев очень им горд. Мне говорит: «Командир роты ходил в штыковую, стреляет метко, бойцы им довольны, берут с

него пример, он смелый. Паники нет. Первый бой выигран. Крещение принято и оно пока в нашу пользу».

Бойцы просят боеприпасов. Организую группу бойцов за боеприпасами в тыл. Ушли. Время тянется долго. День наступает, надо готовиться к встрече немцев. Посылаю вторую группу, Надо быстрее. Но первые возвращаются и докладывают: «Тылы наши разбиты. У памятника Бородинским героям командного пункта нет, командира батальона нет, и повозки пустые, все разбито. Из с. Бородино стреляют немцы».

Командир роты Трофимов решил сходить на наблюдательный пункт с тем, чтобы самому убедиться, куда немцы отступают, и что там они замышляют.

Перед этим ему доложили о том, что 4-го наблюдатели убило. Я предложил ему сменить наблюдательный пункт. Он махнул рукой и побежал к крайнему дому. Акшпаев за ним.

В бою за дер. Утицы особо отличились: командир 1 взвода старший сержант срочной службы Дмитрий Попов уроженец Читинской области, сержант Бакшеев из Тюменской области, замполитрук Афанасий Гук из Алтайского края, сержант Выдрин из Казахской ССР, рядовой Виталий Огнев из Тюменской обл., рядовой Иван Девятов из Алтайского края, ручной пулеметчик боец Алексей Фомич Поздняков из Алтайского края, боец Петр Гусев из Алтайского края, боец минометчик Стариков из Алтайского края, сержант минометчик Тимофеев из Алтайского края.

Особо надо учесть старшего сержанта из 3-й пульроты Чуприна из Украинской ССР, который сумел организовать огонь станковых пулеметов и много уничтожил немецкой пехоты. Бой за дер. Утицы не кончился. А сколько я не знал смелых подвигов бойцов.

Утицы наши и на юго-западной окраине занимаем оборону в вырытом окопе в полный профиль. Бойцы просят боеприпасов.

А где взять? Даю команду: убитых командиров и бойцов собирать в одно место к северо-восточной окраине деревни, имеющиеся у них боеприпасы раздать живым. Ищу командира роты.

Увидел его связного Акшаева, с бледным лицом. Эта бледность ярко выступила на его смуглой коже. Он докладывает, что командир роты убит прямо в лоб. Решаю: значит, наблюдательный пункт был пристрелян снайпером. Среднего комсостава нет никого. Принимаю командование ротой.

Немного набрали гранат, патрон и бутылки с зажигательной смесью — «зажигалки». Нам хватит боеприпасов на 1 час боя, а дальше?

Готовимся к обороне. Мало боеприпасов. Но где их взять? Вот тебе и подготовились к войне. С юго-запада идут самолеты немцев, за валом урчат моторы — танки.

Самолеты разворачиваются в «Карусель» и пикируют один за другим с воем от моторов и включенных сирен, свист бомб. Истребители на бреющем полете стреляют из пулеметов и пушек, даже за одиночным бойцом гоняются. Нам ничего им противопоставить. Спасаемся в окопе. Наши потери большие.

Из-за эскарпа начали выходить танки. Строятся в линию и идут на Утицы. За ними пехота. Что предпринять? Чем отбить атаки самолетов, танков? Положение тяжелое. Огневая мощь немцев большая, большой перевес и в технике.

Оглянулся назад: может наша артиллерия подошла? Нет, сзади нас никого. Нет танков, нет самолетов, нет нашей артиллерии, нет боеприпасов. Потери большие.

Отдаю команду готовить гранаты под танки. ЧУПРИНЕ ставлю задачу — станковыми пулеметами отсекай пехоту и уничтожай ее. Он пулеметы ставит в кустах. Истребителей танков возглавил старший сержант Попов и боец Виталий Огнев.

Самолеты начали уходить. Танки подошли к окопу, на ходу стреляя, где горсточка бойцов со связками гранат будет вести с ними единоборство. Чуприна своими пулеметами отсекает пехоту и уничтожает ее. Несколько танков поворачивают пушки в сторону пулеметов и дают огонь по ним. После третьего залпа пулеметы умолкли. Танки на бруствере окопа. Истребители подбивают 4 танка, а остальные — их 16 штук давят раненых, засыпают наших бойцов и уничтожают.

Даю приказ на отход в сторону ДЗОТов и занять ДЗОТы. Отхожу последним. Собрались в один ДЗОТ. Нас 11 человек. Стали считать патроны. У меня ни одного в ППД. Даже пистолет пустой, и осталась одна обойма для патронов, что была в пистолете. Ручной пулемет с пустым диском. У снайпера Девятова осталось два патрона и еще 4 патрона оказалось у двух бойцов.

Немцы заняли дер. Утицы ⁷.

К вечеру сюда же подошли командир 2-го батальона капитан и Василий Алексеевич Щербаков с остатками своего батальона в количестве 9 человек и начальник штаба 1-го батальона старший лейтенант Портянкин с 7 бойцами.

Они были от нас на левом фланге и вели бои с фашистами, а когда немцы заняли д. Утицы им так же нечем и не кем было их выбить оттуда. И так 1-й, 2-й и 3-й батальоны, 322 стрелкового полка 32 Краснознаменной стрелковой дивизии собралось в количестве 30 чел. Собрались все вместе каждому батальону по 10.

Я пошел к капитану Щербакову как к старшему командиру решать, что делать будем? Слева д. Утицы там немцы, в Бородино ⁸, что сзади, немцы, в с. Семеновском, что прямо перед нами, немцы, а в Шевардино кто? Где взять боеприпасы. Собрались в ДЗОТе у Щербакова. Стали думать, где взять боеприпасы, тылы всех батальонов разбиты.

Боеприпасов не добудем нигде, соседей справа и слева не было. Щербаков говорит: — «Пойдем в полк, как стемнеет». Ведем непрерывно наблюдение за немцами. К закату солнца к Шевердино подходит колонна автомашин с немецкой пехотой. Стали считать 18 машин. В среднем по 30 чел. в каждой. Да, жаль, что нет боеприпасов, а в нашем положении мы ничего не можем сделать. Стемнело. Пошли в обход Бородино. Щербаков голове нашего подразделения замыкавший. Шли, всю ночь кружили, но с рассветом пришли в полк, доложили о своем первом бое и наших потерях.

Лично меня не удовлетворил этот бой, если бы у нас были хоть 1 взвод ПТО, мы больше уничтожили фашистской сволочи и, главное, танков больше бы уничтожили, а то они хозяйничали в поле, а нам нечем было их уничтожать. Комиссар полка ст. политрук Баканов мне говорит: — «Ты теперь парторг полка, ты должен быть во всех подразделениях, а ты опять ушел в свою роту, а положение в остальных ротах, батальонах ты не знаешь. Вот в этом твоя ошибка и в дальнейшем так не делай». Я обещал быть хорошим парторгом полка. Но ему я возразил, что коммунист должен быть там, где трудно. В данном случае было трудно, где были 7 и 8 роты.

А может быть, труднее было во 2-м или 1-м батальонах? Да, я действительно не знал, какое там положение было.

17.10.1941 г. Остатки полка занимали оборону на небольшой высоте, напротив ее была деревня Глядино⁹ занята немцами, перед нами внизу протекала небольшая речка или ручей. Карты нет, ориентироваться очень плохо. Стемнело. Слышу, меня ищут. Это Щербаков. Подходит ко мне и говорит: — «Комдив приказал сформировать отряд добровольцев для рейда на Новую Деревню, где стоят фашистские танки и вторая группа танков в другой деревне (название не помню). В задачу этого отряда входит уничтожить обе танковые группировки и тем самым сорвать их наступление на

Можайск. Они в листовках предлагали жителям Можайска встречать их с хлебом и солью».

Щербаков меня предупреждает: — «Назад возврата не будет. Но мне бы хотелось, чтобы ты со своими бойцами пошел, но из бойцов бери того, кого знаешь и на кого надеешься. Их предупреди, что назад не вернемся».

Задача трудная, я немедленно согласился. Собрал бойцов 3-го батальона, их уже набралось человек 45-55, так как минометная рота к Бородинскому бою опоздала, она была еще на колесах. Объявляю, что приказано собрать отряд исключительно из добровольцев для борьбы с фашистскими танками и танкистами, бои будут очень тяжелые и возврата оттуда ни кому не гарантировано. Если есть желающие, то отходи вправо. Меня кто-то спросил: «А Вы идете?» «Да!» — ответил я, — я приехал с Дальнего Востока бить фашистов, которые захватили много нашей территории, а их надо уничтожить на нашей земле». Вот вся моя была агитация среди бойцов. Все пошли вправо. Я снова предупредил об опасности этой операции, тем более, что увидел бойцов пополнения мая 1941 г. из Западной Украины: Сливу, Шинкарука, им я не доверял. Согласны были все. Я отдал команду брать с собой как можно больше патронов, гранат, бутылок с зажигательной смесью и еды. Нам разрешили брать водки, хоть флягу.

Вооружение было, почти у всех автоматы, только мой связной Ваня Девятков свою снайперскую винтовку не хотел менять, да ручной пулеметчик Алексей Поздняков не менял своего ручного пулемета ни на какое оружие, а он из пулемета стрелял по заказу — "Был профессор". Я взял к ППД 4 диска, 4 гранаты и 2 бутылки "зажигалки", сухарей и сахару. Некоторые брали печенье, и потом они покаялись, от них пить очень хотелось, 2 пачки «Беломора» и кто-то мне сунул в карман шинели к папиросам какую-то коробку круглую. Командиром этого сводного отряда назначен капитан Василий Алексеевич

Щербаков, 1907 года рождения, член ВКП(б) .Комиссар этого отряда политрук Иван Легостаев. Заместитель Щербакова ком. роты — Григорий Глухов, зам. комиссара — я. С нами были две 45 мм пушки под командованием политрука Ивана Ковальчука.

До Новой Деревни нам надо было пройти стороной от д. Глядино чтобы немцы нас не заметили и не сообщили танкистам. Часов в 19-00 мы вышли с места обороны. Спустились в высотки, перешли речку. Глубина ее выше колен. Промокли ноги. Надо было бы всем разуться для перехода. Мы этого не сделали. Щербаков дал команду выпить по 100 грамм водки.

Двигаемся дальше в обход д. Глядино. Своим движением создаем шум.

Немцы встревожены. Часто пускают осветительные ракеты в нашу сторону. Хотят что-нибудь увидеть. Стреляют вслепую. Проходим Глядино, сворачиваем вправо. Ветер дует навстречу, идет снег. Он нас маскирует, а ветер уносит шум наших шагов и стук копыт коней, которые везут 45 мм пушки «Сорокапятки» их 2 шт. Подходим к Новой Деревне, это заметно по осветительным ракетам, которые непрерывно висели в воздухе. Не дойдя с полкилометра до деревни, останавливаемся, бойцам команда — перекур. Командный состав собрался к Щербакову. Щербаков предлагает следующий план уничтожения танковой группы. Деревню окружить полностью и не дать уйти никому из деревни. Уничтожить все танки, автомашины и другую технику, и живую силу фашистов.

Закончив эту операцию, мы обязаны перейти к следующей задаче: уничтожить вторую группу танков, фашистов и другую технику. И только после этого мы можем вернуться в полк. Все это все бойцы и командиры поняли, и каждый получил конкретное задание, на то, как уничтожить технику врага, как войти в село без шума и внезапно атаковать фашистов, учитывая, что сегодня суббота ¹⁰, а немцы

верующие, это надо учесть. Разведка прошла успешно. Все часовые собрались у костра в середине деревни, а ракетчики сидят в своих окопчиках прикрывшиеся от снега, кто, чем мог, пускают ракеты без наблюдения. Враг совсем обнаглел. Воевать решил тогда, когда он хочет. Ночью не любит воевать. Мы должны брать инициативу в свои руки и заставлять их принимать бой в любое время. А мы, дальневосточники, привыкли воевать ночью, в дождь, в лесу, в сопках. Ночь — наш союзник.

Я со своими бойцами охватываем южную сторону деревни. Легостаев с группой бойцов — северную сторону, на западной стороне мы замыкаем кольцо. Щербаков идет в центре.

В начале все шло хорошо, наш план выполнялся точно. Бойцы ворвались в деревню, часовых без выстрела сняли, ракетчиков не тронули они стреляют ракетами — значит все в порядке. Я дошел до автомашин, поднимаю капот, рву какие-то провода, трубки, то же самое делают бойцы, все это без шума. Слышу одиночный выстрел, один, второй, еще, выстрел и вдруг с чердака избы застрочил немецкий пулемет, я бросаю туда гранату и не попадаю в чердачное окно, она по крыше скатывается на меня, я за машину, оглянулся назад, сдали идут наши бойцы человек 6 облепленные снегом, как приведения, ракетчик выстрелил ракету, осветил их, пулеметчик дал длинную очередь, но не закончил ее, я бросил вторую гранату на чердак, она взорвалась там. Пулемет умолк. Ракетчика бойцы убили.

Я пошел на выстрелы, которые слышал, прохожу, дома три, слышу гул мотора на скорости, лязг гусениц и машина скрылась. Подхожу к дому, где она стояла, меня окликает ручной пулеметчик Алексей Поздняков и возмущенно говорит: «Ушла такая сволочь, значит, там был в нем кто-то». Я догадался, ушел танк. Ну, теперь жди сюрприза. Где стоял танк, я увидел груду немецких трупов. «Это они пытались сесть в танк, а я их одиночными выстрелами укладывал из

пулемета», — говорит мне Поздняков. 18 фашистов уложил Поздняков. Во дворах стояли танки, автомашины. Надо уничтожать. В середине деревни загорелась изба. Немцы в панике сдаются в плен. Наши бойцы уничтожают их. Шум, мат, выкрики: «Москвы захотелось, а штыка не хочешь. На, получай сполна, гады!»

Бой в разгаре. Я Позднякову говорю: «Иди, ищи капитана Щербакова и доложи, что один танк ушел. Пусть готовится встречать не один танк!» Он ушел, мы с бойцами уничтожаем технику и танкистов, в ход пошла стрельба. Период внезапности, «Тихой войны» кончился. "Зажигалки" пошли в ход. В автомашинах начали рваться боеприпасы, цистерны горят. Все, что было танков (за исключением одного) в деревне, автомашин, нами было уничтожено вместе с живой силой противника. Стало тихо, можно перекурить. Ко мне подходит мой связной Ваня Дебетов, предлагает выпить. Я отказался. Спрашиваю: «Где ты был?» А он мне в ответ: «Немцы были после бани, ведь сегодня суббота, ну а мы им давали парку. Ну, они нас не вспомнят. Все мертвые».

Ищу Щербакова, мне говорят, что он на КП, где стожок сена, метров 300 от деревни, иду к нему. Он спрашивает: «Как дела?» Докладываю об ушедшем танке. Здесь же стоит политрук "Сорокапяток" Ваня Ковальчук. Щербаков говорит: «Ковальчук, сейчас будет твоя работа, а вы (это я, лейтенант Глухов и Целищев) готовьте истребителей». Мы с Глуховым и Целищевым пошли, стали собирать бойцов, объяснять им наше положение, стали вязать гранаты в связки. Вот и 4 танка идут, 2 сразу подожгли артиллеристы, а остальные 2 крутой разворот и на большой скорости ушли. Надо отдать должное артиллеристам «Сорокапяток» — молодцы. С одного снаряда срезали башню танка, и он загорелся. Подбираем раненых и несем их к стожку сена на КП к Щербакову. У нас нечем перевязывать, и нет медработников. Убитых наших нет.

Прошло с полчаса. Снова танки, 6 штук. Раненых не всех еще унесли, и кто собирает их, мешает артиллеристам. Ваня Ковальчук кричит: «Уйдите с дороги, мешаете стрелять». Танки решили уничтожить пушки, идут напролом в их сторону. Кто-то бросил в третий танк "зажигалку", он загорелся. Артиллеристы дали по выстрелу. Башен у танков нет, и они горят. Четвертый танк тоже не должен уйти, два уходят.

После этой танковой атаки у нас появились убитые и раненые. Снова подбираем раненых, забираем боеприпасы у них, мертвых собираем в одно место. Боеприпасы на исходе, гранат мало. Стреляют только наверняка. У бойцов появилась зрелость в бою. Надо уметь воевать. Бить только наверняка. Нам никто не подвезет боеприпасы.

Снова танки 8 штук, идут и стреляют из пушек и пулеметов.

Артиллеристы снова подбивают 2 танка. Срезают башни. Танки горят. Ковальчук возбужден, что-то кричит. Бойцы у пушек работают автоматически. Вот что значит выручка до автоматизма. Как она пригодилась в бою. Срезают еще две башни. Танки горят. Кто-то из истребителей поджигает еще два танка. 2 задних опять уходят.

Ночь на исходе. Ведем все время бой. Убитых и раненых прибавилось. Эх! Боеприпасы как вас мало. Плохо, что человек имеет предел нагрузки для носки тяжестей. У меня все израсходовано. Ищу у убитых и раненых, что-нибудь из боеприпасов. Нет ни у кого, израсходовали или другие взяли. Нашел «зажигалку» около убитого, как она цела осталась? Снова танки. Передние 2 идут на большой скорости. Стреляют из пушек и пулеметов.

Артиллеристы «Сорокапятки» дают по залпу. Эти два загорелись, как факелы, за ними шедшие 2, так же стреляют, и одна пушка вдруг подпрыгивает вверх, колеса отделились, расчет лежит, на снегу мертвые. Второй расчет меняет позицию. Это его спасает. Он подбивает еще 2 танка. Танки все время шли по два в колонну. Истребители бьют

танки сзади, 3 подожгли. Остальные ушли. Окраина деревни загромождена подбитыми танками, они горят, и боеприпасы их рвутся.

Нам нравится, что немецкие танки горят и не нравится, что они освещают поле боя. Нас остается все меньше, а главное, нехватка боеприпасов. Снова танки. На этот раз они осторожнее. Жмутся к домам, фары выключены. От горящих танков светло. Идут по 4 в ряд. Пушка дает два выстрела. 2 танка горят. 2 идут дальше, задние за ними, и два остаются за домами и видно ведут наблюдение, где наши огневые точки.

У пушки взрыв. Пушка по частям разлетается, расчет убит. Все наши надежды уничтожены полностью. Мне это видно хорошо и 2 танка идут, все это утюжат.

Вдруг сзади меня слева слышу команду: «Бей гадов! Ура!» Это ком. роты 4 лейтенант Глухов с винтовкой пошел на танк в штыковую, за ним его связной тоже с винтовкой на перевес. Я успеваю схватить Глухова за плечо и кричу: «Куда ты со штыком на танк?» — и бросаю зажигалку в танк. Глухов, не слушая, лезет на танк. Тот его поднимает, наезжает на связного, тоже давит гусеницами, но и зажигалка свое дело сделала, танк горит. Кто-то из бойцов вспрыгивает на танк и к люку, он открывается, боец бросает гранату в люк. Он вспрыгивает и у убитых ищет боеприпасы, но не успел, взрыв снаряда. Боец падает, мне оторвало полу шинели. Эту танковую атаку мы все же отбили. Нас живых осталась горсточка. Временно бой затих. Стали собирать раненых на КП. Я одного унес, пошел еще искать.

Иду, вдруг слышу, меня кричат по имени: «Ленька! Лешка!» Иду на крик, лежит убитый, зажав в руке гранату. Разжимаю пальцы, беру гранату, сую за пазуху, иду на крик, подхожу, лежит наш комиссар отряда Ваня Легостаев и просит меня пристрелить его: «У меня ноги перебиты кости, пристрели, лишь бы в плен не попасть». Он тоже нарушил приказ по фронту, как и я не перешел на полевую форму.

Нарукавный знак политработника, Красную с желтым серпом и молотом звезду не спорол, петлицы тоже мирного времени. Я ему говорю: «Пристрелить Ваня я тебя не могу, не чем, а взять возьму, а что у тебя есть». Он мне отвечает: «Из боеприпасов ничего нет, все расстрелял и себе патрон не оставил». Я не могу ему простить, за кого он меня принял, чтобы его пристрелить. Поднимаю его на спину и тащу к стожку сена, где у нас есть уже раненые. Приношу его туда, кладу на землю и пошел еще кого-нибудь искать. Ночь кончилась. Стало светать. Начался новый день.

18 октября 1941 года. Воскресенье ¹². Что будет с нами? От своих далеко, за линией фронта. Как попасть к своим? Как отправить раненых в госпиталь? Как похоронить убитых? Чем вооружать людей и накормить живых? Но эти мои размышления прерван; гул моторов. Снова танки. Считаю их автоматически, 12 шт. Чем их уничтожить Живые бойцы подбирают раненых и несут к стожку. 4 танка открывают огонь, из пушек и пулеметов. Снова убитые и раненые. 8 танков по 4 в ряд идут в нашу сторону, давя гусеницами раненых и мертвых, вертятся на трупах. Чем их остановить?

Иду к стоку сена. Щербаков там, он только что принес лейтенанта Целищева, у которого так же как у Легостаева, перебиты ноги и тоже просит Щербакова пристрелить его, чтобы не быть обузой. Легостаев снова стал просить в тон Целищеву, чтобы их пристрелили. Я взорвался: «За кого вы нас принимаете, что бы командиры Красной Армии своих товарищей, раненых убивали. Как Вам не стыдно так думать о нас». Словом я им много наговорил в резкой и довольно грубой форме. Умолкли. Я предлагаю Щербакову воспользоваться рацией, которая у нас была, и просить командование разрешение на отход, сообщить предварительно обстановку. Радист сержант (фамилию не знаю) связался и просит ему диктовать донесение. Щербаков диктует, радист ключом отстукивает. Потом переходит на прием и

пишет карандашом радиограмму, ответ, содержание такое: «Отход запрещаю. Поддержим артиллерией». Каково наше положение? Нам не верят, что у нас на всех осталось 1 ручная граната у меня и один патрон в пистолете Щербакова. У остальных пустое оружие, нет ни у кого, ни патрона, ни гранаты.

Я спрашиваю Щербакова и Легостаева: «Что будем делать? Людей на бессмысленную и ненужную смерть оставлять, а если они уйдут и придут в свой полк, они снова активные бойцы и будут снова бить фашистов, да еще как бить! Они имеют опыт, знают тактику врага, не запаникуют, и будут драться, пока они живы. Но без боеприпасов их сейчас здесь оставлять — это преступление перед человечеством, перед своим народом. Я не согласен». Легостаев молчит, Щербаков мне говорит: «Ты читал радиограмму. Я ее выполню. Приказ на отход не дам!» Тогда я говорю, что я отдам такой приказ¹³. Придя в полк доложить обстоятельно, вот эту данную обстановку. Все. Ясно? Выполняйте приказ!»

Бойцы не знали содержание радиограммы. Взяли раненых и пошли и тут фашистские танкисты увидели эту группу людей на пригорке, начали по ним стрелять из пушек. Немцы подбросили и автоматчиков, которые тоже открыли огонь и засекли наш стожок сена и нас. Рацию приказал сломать и раскидать части, а радисту тоже уходить. Мой связной Ваня Девятов остался здесь. Я его спрашиваю: «Почему не ушел?» Он мне отвечает: «Вы здесь и я должен быть здесь, вместе воевали, вместе и будем». «Ваня! — говорю, — иди ты еще повоюешь, ты нужен будешь еще там, в полку, адрес мой у тебя есть. Напишешь жене». «Все иди, Ваня, будь здоров, а то вон сюда идут танки, а чем это кончится, не знаю». Девятов ушел с неохотой, но ушел. Мы с ним распрощались. 4 танка идут на нас и не дошли метров 50 опустили пушки. Стожок сена на снегу цель хорошая, а нас четверо: я, Щербаков, Легостаев, Целищев. На каждого по танку. У меня ручная

граната за пазухой с капсюлем, у Щербакова один патрон в пистолете ТТ. Глядим на танки, и как они неторопливо целятся в нас, чтобы не промазать. Щербаков лежит с одной стороны стожка, я с другой, около меня Легостаев и ближе к Щербакову Целищев. Щербаков говорит: «Сейчас все будет кончено. Отжили». Я тоже об этом подумал: «Все, Алеша, прожил 31 год и на этом точка», а вслух запел песню, которую где-то когда-то слышал и запомнил один куплет:

В голове мои мозги разохлись
Сердце кровью мое облилось
За измену неверного друга
Помереть мне в тюрьме довелось.

Эта песня с грустной мелодией, а душа спокойна, сердце бьется, нормально, как будто такие картины бывали каждый день в жизни. Вот это спокойствие к окружающей обстановке дало возможность поднять настроение и у ребят Легостаева и Целищева. Танки дали залп. Сквозь смутное сознание, в глазах какая-то пелена, во рту горечь и между лопаток сильная боль, слышу голос Щербакова: «Лешка! Ленька! Михайлов! Ты жив?» «Жив, — отвечаю. Каска с головы слетела и валяется на снегу. Достаяю рукой ее, одеваю с трудом, приподнимаюсь и смотрю в сторону танков. Они идут на нас, стреляя из пулеметов; пули трассирующие летят в пасмурное утро, их видно хорошо. Сено наше горит. Дым стелится от нас назад. Легостаеву от горящего сена жарко. Он отодвигается, приподнимаемся, и я увидел все сам. Нас четыре человека с одной гранатой и одним патроном, танкам никакого вреда не сделаем, а они нас попросту гусеницами раздавят или еще хуже возьмут в плен, и будут мучить, пытаться, всячески издеваться, особенно над политработниками. Он мне говорит: «Лешка, ложись живот на живот, клади между ними гранату и взрывай ее, чем к ним в плен». Я делаю наоборот. Его кладу к себе на спину и по дыму ползу, Щербаков с Целищевым за мной. Раненые тяжелые. Дым забивает нам глотку, в

горле першит, дышать трудно. Ползу. Легостаев задыхается и в ухо мне говорит: «Все равно найдем, ложись вверх животом, клади гранату и рви». Меня берет зло, я ему говорю: «Ты мне руками помогай лучше, а ерунду не говори». Делаю остановку. Трассы пуль и в дыму хорошо видать. Снова ползу и вдруг канава. Я рад. Легостаева сваливаю и накрываю плащ-палаткой, сам в сторону от дыма смотрю, где танки и что делают. Они в метрах 20 – 30 стоят, стреляют из пулеметов, но уж Щербаков с Целищевым тоже дополз до канавы. Канава нас укрыла хорошо, глубина ее 50-60 см., ширина поверху около метра и она проложена в выемке, от пуль это хорошо спасает, они ударяются в скат бугра и нас не задевают, но нас на снегу хорошо видно. Каски зеленые, шинели серые, а снег белый. Автоматчики стараются пристреляться в нас, но канава нас выручает.

Отдыхаем. Смотрю на часы время 8 часов утра, хочется курить, лезу в карман, там какое-то крошево. Вместе с папиросами попала коробка конфет, и все это вместе перемешалось и спрессовалось. Есть нельзя, и курить нельзя. Легостаев и Целищев не курят. Щербаков шарит по карманам, тоже хочет курить, у него папиросы перемолоты с мармеладам. Словом накурились и наелись. Хорошо, что снегом можно утолить жажду. Все-таки легче.

«Ну, Вася, что думаешь? Как быть?» — спрашиваю я. Щербаков правой рукой приподнял каску, у затылка почесал голову (Я увидел, что он седой) и говорит: «До- вечера будем здесь, если выживем в темноте уйдем в полк».

Днем выйти нам не дадут автоматчики, они стреляют непрерывно по нам, но выемка нас спасает, пули летят через нас в бугор.

Я Щербакову говорю: «Вася, а ты поседел», он оглянулся и так удивленно посмотрел на меня, говорит: «Значит и ты поседел». «Нет, — говорю, — я песню пел, а ты о чем думал?». «О дочке думал, что она

больше не увидит своего папку. Они с женой эвакуировались в Пермь». Я ему позавидовал. У него дети. А я прожил 31 год и 11 лет женат. Детей и тех не имею.

Часа в 3 дня пошел дождь. Снег стал таять, в канаве вода и грязь. Раненые держат себя хорошо, не стонут, не хнычут, а боли у них ужасные, но они молчат. Чем им помочь? Нет хлеба, сахара. Нет бинта, чтобы сделать перевязку.

Вторые сутки не спим. Да спать нельзя. Автоматчики все постреливают. И вдруг между очередями, к нам с бугра в канаву сваливается боец. Увидев Щербакова, он обрадовано сказал: «Ох, наконец-то среди своих, хоть не один. А я думал, что я остался один, а всех убило или танками передало и докладывает: «Товарищ комбат, красноармеец 2-й пулроты (фамилию я его не запомнил) прибыл в Ваше распоряжение. Мой пулемет немного разбит станок, а тело можно использовать, я залил его водой и штук 20 патронов в ленте есть». Щербаков спрашивает: «Где пулемет?» «Там за бугром,— ответил боец,— я сейчас принесу все оттуда». И бегом на бугор и скрылся. Автоматчики опоздали. Пули пролетели, когда он уж был за бугром. Я спрашиваю Щербакова: «Твой?» Он говорит: «Выходит мой, пулеметчиков старослужащих я всех знаю, а это наверно майского призыва».

Через полчаса он перекинул тело станкового пулемета и переждав очередной обстрел, сам скатился с лентой, в которой было немного патрон. Теперь мы «вооружены». Боец стал прилаживать на край канавы пулеметное тело и вставил ленту.

Ясно, стрельба будет бесприцельной. Пулемету нет опоры, и он не закреплен. Сидим ждем темноты. Дождь идет сплошной, мелкий, нудный, без ветра. Промокли и в грязи сидим.

С наступлением темноты распределяем груз кому, что нести. Мы с Щербаковым раненых, боец пулемет. «Будем идти так: я иду первым с

Легостаевым, за мной Щербаков с Целищевым «прикрывает» нас боец с пулеметом».

Я прошел метров 15 и устал. Кладу Легостаева, отдыхаю. Щербаков проходит меня и тоже кладет Целищева боец садится около меня. Поднимаю Легостаева; иду, наш путь к лесу, в горку, Натыкаюсь на мертвого с винтовкой, пройдя его метров 5, кладу Легостаева, иду к «мертвому» Подхожу, щупаю, лоб холодный, лезу за пазуху – теплый, значит живой, беру винтовку, она с оптическим прицелом: «Уж не Девятов ли».

Взваливаю на спину, несущий к Легостаеву. Проношу дальше, кладу, иду за Легостаевым. Щербаков встречается, я ему говорю: боеца нашел раненного. Тащу Легостаева, подхожу, Щербаков говорит: «Клади, твой и мой здесь лежат», — а сам встал и пошел в сторону. Смотрю, тащит кого-то, тоже раненый боец. Так мы с Щербаковым пока шли подобрали еще 7 человек. Всего 12 человек раненых. Мы их по очереди носим. Они молчат. Хоть бы кто застонал, а дождь все льет. Не дойдя какой-то деревни (а возможно эта была Глядино) складываем всех раненых, накрываем плащ-палатками (тоже на поле подобрали).

Щербаков уходит в деревню за подводой. Я остаюсь с бойцом охранять раненых. Зарядив винтовку, я сел, так лучше видеть на фоне темного неба кто к нам подходит. Боец уснул.

Прошел час, полтора. Щербакова нет и не слышно стука телеги. Вдруг кто-то ругнулся, я прижал голову к земле, слушаю, чавкают по грязи и 3 силуэта на фоне неба вырисовываются и идут прямо на нас. Я подпускаю их вплотную, и окрикнуваю: «Стой! Клади оружие! Руки вверх!» Один из них говорит: «Наконец к своим попали». Кладут оружие и держат руки вверх.

Я забрал винтовку к себе поближе, говорю им: «Садитесь и ждите. Откуда вы?» Они наперебой отвечают, что две недели идут из окружения. Называют номер дивизии и полков и никак не могут прийти

до своих, а теперь вот дошли. Нет ли у меня хлеба? Говорю: «Нет. Скоро будет. Ждите». Они легли сразу спать и захрапели. Видно сильно устали и наволновались, а сейчас успокоились и заснули. Немного прошло времени слышу чавканье. Различаю, что идет конь и повозка. Иду на звук. Это Щербаков и какой-то седой дядька. Щербаков мне говорит: «Деревня немцами занята, но вот этот отец согласился перевезти раненых через речку и показать нам, где наши войска стоят».

Начинаем грузить раненых по 3 человека, одного из «окруженцев» и нашего бойца посылаем. Уехали. Стоим ждем. Я Щербакову рассказываю, откуда это появились «окруженцы». Он их расспрашивает. Они рассказывают, номер дивизии, номера полков они повторяют те же, что и мне рассказывали.

Колхозник возвращается и говорит: «Все благополучно получилось». Со второй подводой иду я и один из «окруженцев». Перешли речку, въехали в лесок и за ним открывается ложбинка, где лежат и нас ждут раненые с первой подводой. Сгружаем раненых. Колхозник уезжает за остальными. Мы ждем. Время тянется слишком долго. Вот и Щербаков появляется с подводой. Выгружаем. Благодарим дядю. Он говорит: «Зачем благодарить, мы все обязаны помогать друг другу в беде, а сейчас беда общая», — и рассказывает, как найти наши части. Щербаков со своим бойцом уходят в направлении наших войск и быстро возвращаются с людьми, они сразу раненых берут и мы пошли вслед за ними. Раненых сдаем в полевой госпиталь. Нас приводят к какому-то командиру в избу, он в звании майора, начинает к себе вызывать по одному. Щербаков идет первым, я иду вторым. Предъявляю свое командирское удостоверение, он просит и партбилет. Я предъявляю и партбилет. Вижу, сличает фотографии. Отпускает и говорит: «Завтра в свою часть явитесь, они об этом информированы». Меня ведет боец в избу, я думаю там и Щербаков, а его нет. Бойцы спят на полу человек 12-15. Сажусь у печки. Бабушка спрашивает: «Устал?»

Отвечаю: «Немного есть». А сам чувствую, что усну сейчас, а запах теплого дома, хлеба, возбудил звериный аппетит. Правой рукой нащупал вареную картошку, кладу в рот и глотаю. Так сильно хочется есть. Бабушка увидела и говорит: «У меня щи в печке есть, я достану, голодный видно». Я отказываюсь, потому что картошку, что была в корчаге, я съел. Она мне говорит: «Лезь на печь и спи». Я не могу разуть сапоги. Бабушка помогает стаскивать. Нет, ничего не получается, разрезаю ножом сзади и таким образом снимаю сапоги. Ноги опухли. Залез на печь и моментально уснул.

20 октября 1941 г. часов в 10 меня бабушка разбудила завтракать. На столе картошка варенная и жаренная. Умылся, иду к столу наступать на подошвы ног больно. Она мне дает шерстяные носки, насилу натянул на ноги. Сажусь, ем вареную картошку, молоком запиваю. «Бабушка, — говорю, — у меня здесь есть еще товарищ, а ему можно поесть будет?» Бабушка говорит: «Разве нельзя, ты что родной, разве среди чужих людей находишься? Ведь сейчас мы все свои люди. Беда-то общая. А где он?» Говорю: «Где-то здесь в деревне, а где не знаю». «А это не он идет с бидоном», — показывает мне на окно. Я оглянулся, идет Василий Алексеевич Щербаков с бидоном, один. Заходит в избу, я его к столу зову, а он мне в ответ: «Я поел и тебе вот молока принес». Бабушка вроде в обиде: «Чего молока сюда нес, аль у меня нет. Что-что, а молока пейте, сколько хотите».

Спрашиваю: «А где бойцы, которые спали?». Бабушка отвечает: «Ушли ночью, какой-то командир пришел и увел воевать». Щербаков говорит: «Разговаривал с Полянским по телефону, он рад, что мы живы, навстречу нам пошлет подводу».

Поблагодарив хозяйку, мы стали собираться. На ноги ступать сильно больно. Бабушка дает мне галоши. Втискиваю ноги и пошли в сторону нашего полка. Щербаков идет хорошо и явно торопится, я иду с палкой, слишком медленно. Говорю ему: «Иди один, я дойду». Он не

бросает меня, а я догнать его не могу. Прошли километра 2 и из-за поворота дороги подвода. Боец останавливает коней, спрашивает: «Не Вы капитан Щербаков?» Он говорит: «Я». «Полковник Полянский прислал за Вами коней и приказал рысью доставить к нему». Мы легли на сено в повозке, и я уснул. Разбудил радостный крик: «Вот они живы и здоровы. Здравствуйте! Поздравляем с выполнением задачи».

Немцы 18 октября в Можайск не попали, как они хвалились.

Командир полка, полковник Полянский жмет руки и целует (старичок он был). Комиссар полка, старший политрук Баканов трясет руки, доволен. Мне, например, думалось другое. Геройского мы ничего не сделали, а только выполняли свои обязанности, а за то, что я самовольно отдал приказ бойцам отходить, мне казалось, что меня передадут в Военный Трибунал, за невыполнение приказа, а здесь вдруг такая торжественная встреча. Сам командир полка непьющий, вдруг кричит своему адъютанту: «Лотарев! Давай фляжку, леща копченного. Наливай!» Ваня Лотарев наливает всем водки в кружки, выпиваем за успешное выполнение поставленной задачи. Комиссар меня спрашивает: «А почему в галошах?» Объясняю ему, что ноги отекли, а почему не знаю, словом все рассказал по порядку. Он мне говорит: «Все знаю. Действовали вы хорошо. Техники уничтожили много и этим самым Вы сорвали их наступление на сутки».

Щербаков спрашивает командира полка об раненых. Где они? Надо повидать их. Все ли они живы? Командир полка говорит, что можно сделать Вам свидание с ними. Они недалеко, но надо позвонить, не отправили ли их дальше в тыл.

Своему адъютанту лейтенанту Лотареву дает приказ связаться с полевым госпиталем и узнать, здесь ли Легостаев и Целищев и доложить ему. Тот уходит.

Мы разговариваем с комиссаром полка о бое в Новой Деревне. Я рассказываю о действиях артиллеристов 45 мм пушек во главе с политруком Ковальчук.

Как слаженно работали расчеты орудий. Меткость огня - снайперская и жалею, что не знаю ни одного из бойцов по фамилии. Комиссар меня успокаивает, что у него есть фамилия артиллеристов во главе с политруком Ковальчук. Все они сибиряки, в армии старослужащие. Я предлагаю их представить к награждению. Комиссар меня спрашивает: «Как они погибли? Все или кто-нибудь из них ранены есть?» Я отвечаю, что они погибли все и Ковальчук тоже убит, их еще и танки давили. Но помочь им мы ни чем не могли, у нас не было ни гранат, ни бутылок с горячей смесью. Подходит к нам Щербаков и спрашивает меня: «В госпиталь пойдешь к Легостаеву?» «Пойду, — отвечаю. «Тогда пошли. Здесь недалеко до них».

Мы с Щербаковым уходим в полевой госпиталь. Идем лесом. Листья с деревьев еще не все опали. Березы стоят как золотые. Невольно вспомнилась картина «Золотая осень». Но то картина, а здесь живая природа. До чего красиво. Все это хочет забрать фашист. Нет, не выйдет! Идем около часа и на опушке леса видим 2-х этажное деревянное здание дачного типа. Подходим. Щербаков спрашивает часового: «Здесь госпиталь № такой-то?» Тот отвечает: «Да». Заходим в помещение, ищем начальника. Спрашиваем разрешение. Нам разрешают и провожают на 2-й этаж.

В одной из комнат, где лежат раненые, Щербакова окликнули. Поворачиваем головы и налево от входной двери в комнате-нише лежат Целищев и Легостаев. Я иду за Щербаковым и вдруг вижу, лежит Ваня Девятков — мой связной. Я подхожу к нему, здороваемся. Мне его жаль, хочу обнять его. Он протестует, говорит: "Я ранен в голову, мне больно от каждого движения. Врачи предупредили меня, чтобы я меньше шевелился. Операцию здесь не стали делать и подготовили к отправке в

тыл. Эх! товарищ мл. политрук, зачем ты меня от себя отправил. Сам вот цел и невредим, а я. Какой теперь буду. Да буду ли еще жив. Пуля сидит около мозговой оболочки. Чуть что и готов". Ваня заплакал. Мне было сейчас, вот около него стыдно за себя, за то, что я его отослал вместе со всеми. И, вот результат этого. Но я ему говорю: «Ваня, я хотел, как лучше. Чтобы ты был жив, там сам видел какая была обстановка и живы мы остались случайно. Танки не пошли нас давить, думали, что мы сгорели, или убиты. Но мне за себя, Ваня, не стыдно, я все-таки нашел тебя и не бросил. Вот ты теперь будешь лечиться в госпитале, а наши врачи они сделают операцию тонко и отлично. Вот во время боев у озера Хасан меня назначили комиссаром госпиталя, там я был на одной операции. Они у одного бойца из головы вынул 18 осколков, и все они были около мозговой оболочки. Боец остался жив и осенью 1938 года демобилизовался вместе со всеми ребятами, с которыми призывался». Словом я всячески старался успокоить Ваню. Он меня спрашивает: «Кто у меня сейчас связной?» «Никого, — отвечаю, — не могу, Ваня подобрать бойца такого, какой ты был для меня». Это его успокоило. А Легостаев, видя, что я разговариваю с кем-то, не выдержал, и стал звать меня к себе. Я простился с Ваней Девятовым и пошел к Легостаеву, они лежали через 2 койки друг от друга. Подхожу к Ване Легостаеву, обнялись и по-мужски крепко расцеловались.

—Ну, как ноги?

—Да пока хорошо, кости собрали, в шины положили, Ноги не отняли. Если не будет нагноения, все будет в порядке, а то отнимут, и буду без ног.

Я ему вспомнил, как он просил пристрелить его, или взорвать гранатой. Он говорит мне: «Ты приказ знал на эту операцию? Нет, не знал ты его. Вернее не совсем понял ты его. Ведь нас предупреждали, что не поддержать огнем нас не могут и доставать нам боеприпасов,

пищу и вывезти раненых не могут. Как же мне не просить было об этом. Я понимал, что я обуза буду для оставшихся живых, которые сами не знают придут ли к своим? И когда придут. А тут я — раненый без ног. Куда меня деть? Бросить, а немцы в плен возьмут, где будут издеваться, допрашивать. Нет, Алексей, я понимал все это, почему и просил это сделать. Вот и лейтенант Целищев так же думал, а ты нас там, у стожка сена так ругал, что небу, по-моему, было стыдно за политработника. А если бы тебя так ранило, ты как бы вел себя?» Сажусь около койки на пол. Опустил голову: "Да, Ваня, вопрос задал правильно и прямо. Я сам потом думал об этом. Как бы я себя вел? Если бы был ранен в ноги. Так же как и ты. Я бы не хотел быть обузой товарищам". Словом вопрос этот утрясли. Попрощались, и мы со Щербаковым ушли. Больше я не встречался с ними ни с кем и ничего не знаю, как в дальнейшем их сложилась жизнь.

Пришли в полк, а там идут сборы. Переходим на новый рубеж обороны. Комиссар Баканов предлагает мне в госпиталь. Я отказался. Говорю: «Могу еще воевать, а в госпиталь успею». Я не хотел после госпиталя попасть в другую дивизию, другой полк. Здесь меня знают, и я знаю людей. Комиссар предложил ехать в повозке. Такую же команду дал и командир полка, нам с Щербаковым можно ехать в повозке.

«Ну, а сейчас,— говорит Баканов, — садись на повозку и отдыхай, придем на место, расскажешь детально об особо отличившихся бойцах и командирах». И мы расстались.

Я сел на повозку, Щербаков тоже сел и с нами сел еще старший сержант 3-й минометной роты Кальченко. Поехали.

Остатки нашего 322 полка шли вместе с остатками 86 стрелкового полка, но какой дивизии этот полк не знаю. Я только запомнил одного капитана из этого полка, с которым мне пришлось встретиться в лесу на следующее утро. Но об этом ниже.

Обоз шел за колоннами. Кони мерно выстукивали копытами гравийную дорогу, повозка слегка покачивалась. Вся эта мирная тишина успокаивала. Снова в своем полку со своими бойцами и командирами. Все вместе. Небо чистое от немецких самолетов, не слышно выстрелов, ни орудийных, ни автоматных, ни винтовочных, Спокойствие. Но эта тишина обманчивая и в этом мы скоро убедились. Под мерный стук конских копыт я уснул. Много ли спал — не знаю. Но проснулся от пулеметных выстрелов и гула моторов и бешеной скачки коней.

На повозке нет ни кого, на дороге людей тоже нет. Впереди, две повозки без бойцов ездовых, несутся вскачь и кони нашей повозки также на ними, вскачь несутся, вожжи брошены в повозку, на середине дороги немецкие танки стреляют из пулеметов, но что меня поразило, что танки шли навстречу колонны. Откуда?

Вываливаюсь из повозки вправо в кювет и сразу под ель. Кони унеслись дальше под откос. Немецкие танкисты открыли люки, по пояс высунулись, что-то между собой переговариваются и смеются. Жаль, что я безоружен. Эх! были бы гранаты я бы - им дал смеху. Они рядом и беспечные.

Танки ушли, шоссе пустое. Сзади меня скошенное поле, а через дорогу лес. Значит люди там в лесу. Надо идти туда. Но почему меня не разбудили ни Щербаков, ни Кальченко? Вечереет и вдруг осветительная ракета. Из-за откоса выходит рота немцев строем в колонну по четыре, идут взводными колоннами как на учение. Снова жалею, что не вооружен. Немцы прошли, я перешел шоссе, вышел к лесу, сумерки сгущаются. Что делать?

Искать людей или ждать до утра. Решил ночь провести на опушке леса, вблизи дороги, так, что бы, ее ли люди будут выходить из лесу на дорогу, мне видно будет, и я с ними снова буду вместе. Ночь прошла спокойно. Но где я нахожусь? Если где здесь близко деревня или

вообще какой-нибудь населенный пункт? Ничего не знаю. Карты нет. Как ориентироваться. Надо искать людей в этом лесу. Вот и рассвет. Видно хорошо, беру еловую шишку в руку как гранату Ф-1 иду в лес.

Пройдя от дороги метров 100, вижу, между деревьев мелькают два человека. Идут навстречу мне и по сторонам озираются. Один с винтовкой, а другой без нее. Значит один командир, а другой боец.

Я встал за дерево и наблюдаю за ними. Меня поразило действие командира. Почему он идет оглядывается по сторонам и. Назад? Как будто ему грозит какая-то опасность. Что он среду в лесу не бывал, или у них не было учений в лесистой местности? Чего он боится? Они подошли метров на 15 от меня. Вижу капитан из 86 СП. Ну, думаю, все в порядке. Теперь я буду знать, где наши и выхожу из-за дерева, пошел им навстречу. Капитан как заорет на меня: «Стой! Руки вверх!» А боец наводит винтовку на меня. Я ему говорю: «Ты, что капитан в разведку пошел? Дорогу проверить? Там все спокойно» и не обращаю внимания -на крик, иду к ним, держа еловую шишку в правой руке. Говорю ему: «Что ты кричишь, я из 322 СП секретарь партбюро полка, а ты из 86 СП наши полки вчера шли в одной колонне, но немецкие танки ее рассеяли. Так, что бы не шум, а скажи, где люди?» Он свое: «Стой! Не подходи! Стрелять буду!» Меня зло взяло, я говорю: «Видишь, что у меня зажато в руке? Курка спустить не успеешь, как клочья от тебя полетят», — а сам гляжу на его планшетку там карта. Капитан, глянув на меня и мою поднятую руку, вдруг говорит: «Не бросай, хоть теперь у нас на троих есть одна граната, а то у нас нет ничего, я тебя вспомнил, ты шел рядом с капитаном и полковником, что-то обсуждали».

Поздоровались. Выяснилось, что ночь они с бойцом вдвоем провели, а где люди остальные они не знают.

Давай карту, сейчас сориентируемся, где мы находимся. Вышли на северную опушку лес а. Развернули карту и видим. Дорога спускается вниз, мост через речку [Педня] и дер. Ратчино. Значит, она

занята немцами. Танки шли из нее. На восток от Ратчино другая деревня Борисово ¹⁴. А этот лес имеет форму треугольника с вытянутой вершиной. Предлагаю ему организовать пункт сбора бойцов и прочесывать лес в поисках людей и посылать на место сбора. Он меня уверил, что в лесу никого нет. Он его исходил, и они ушли из леса на северо-восток.

Я ему говорю, что ночью никто дорогу не переходил, я там сидел всю ночь. Он мне не поверил. Ему я тоже. Он с бойцам уходит в сторону дороги, и вскоре совсем скрылись. Но мне теперь ясно, где я нахожусь, и был уверен, что в лесу найду бойцов и командиров, и не ошибся. Не пройдя и 200 метров от опушки, увидел трех сидящих бойцов, они были из нашего полка.

Мы обрадовались друг другу. Я им рассказал свой план о сборе людей, а если и уж есть место сбора, то мы сами пойдем туда, а сейчас надо найти подходящее место пункта сбора и искать людей и туда посылать. Немного отдохнув, мы взялись за дело. Часа через два придя на пункт сбора — это была поляна в середине леса, увидел бойцов и младших командиров человек 30. Поздоровался с ними, спрашиваю: у кого есть патроны, гранаты? Нет ни у кого. Организовываю из мл. командиров и более расторопных бойцов команду, приказываю им собирать людей сюда. Время перевалило за полдень, нас собралось уже человек 70-80. Люди просят есть. А где я им возьму? Из средних командиров были я и начальник боепитания нашего полка техник-интендант I ранга Андрей Пономарев. Я ему говорю: «Андрей, будь командиром этого отряда! А то мне как политработнику тяжеловато».

Андрей отказался, сославшись на незнание строевой службы: "Вдруг немцы, а что могу сделать, я не разу не был непосредственно в бою и не знаю как вести себя и людьми командовать. Я уж лучше буду свои функции выполняю, т.е. быть начальником боепитания». Тогда ему

говорю: "Обеспечь людей оружием и боеприпасами». Андрей Пономарев взял бойцов 10 человек и куда-то ушел с ними.

Я начал переписывать фамилии бойцов, мл. командиров, разбил на взводы и отделения, в отделения ставил бойцов 3 батальона, так как я знал их не только в мирное время, но и в бою. В них был уверен, что любую панику ликвидируют в самом зачатке. Получилось 3 взвода по 28-30 человек. Среди них были раненые, человек 15, но нетяжело. С сержантом КАЛЬЧЕНКО и 2 бойцами пошли на разведку через дорогу к речке, искать брода. Хотя у д. Ратчино и мост есть, но он охраняется немцами. Вправо, т. е. к востоку от Ратчино с километр, нашли брод через речку [Искону], обставили вешками и пошли за людьми.

Подойдя к дороге, увидели две колонны немцев, идущих на Ратчино. Нам нечем было их угостить. У нас две винтовки без патронов. Немцы прошли, мы немного переждали и перешли дорогу. Пришли к пункту сбора.

Рассказываем, что нашли и что видели. Приходит Андрей Пономарев, отводит меня в сторону и рассказывает обо всем, что видел и слышал. Оказывается в западной части этого леса, на опушке, находятся тылы нашего полка и пом. нач. штаба ст. лейтенант Алексей Иванович Кузьмин там за старшего командира. Он пьян "в стельку" и всем бойцам-ездовым отдал приказ, что вести войну против немцев бесполезно. Они сильнее. Будем сдаваться в плен. Кто со мной не согласен, тот будет мною расстрелян.

В такую «версию» я поверить не мог. Ибо там, на востоке, ПНШ-1 Алексей Иванович Кузьмин всегда ставился всем в пример командиром полка, как самый неутомимый, дисциплинированный, грамотный командир. А тут вдруг сдача в плен. Кому сдаваться? Немцам, которых мы бьем, несмотря на их превосходство в технике и автоматного оружия. Нет. Тут, что-то не так. Пойду, сам посмотрю. Пономарев уговаривает не ходить, так как Кузьмин приказал охране

тыла никого не выпускать с этой опушки и стрелять в каждого, кто будет уходить. Я ему говорю: «Ты ушел и я уйду». Пошел один. Спускаюсь по склону вниз и выхожу на проселочную дорогу, иду по ней, вижу на дороге стоит часовой. Здравуемся. Я прохожу дальше, повозки стоят без коней. Кони отдельно.

Палатка натянута. Совеем мирная жизнь. В палатке голос Кузьмина, кого-то ругает и материт (я вообще от него таких разговоров никогда не слышал). Спрашивает: «Где нач. боеприпаса? Куда он делся? Разущи его. И запомни из расположения никого не выпускать. Стрелять без предупреждения». То, что я слышал, меня вполне убедило, что Кузьмин действительно «в стельку» пьян. А в Раздольном был трезвенник. И, пожалуй, он действительно хочет сдаться в плен. Оружие я себе не добыл, и бойцы на меня смотрели исподлобья и не отвечали на мои вопросы. Пришлось мне отступить к лесу, идти к своим ребятам. Надо их выручать. Я не заметно шмыгнул в кусты, а там в лес и ушел. В голове не укладывалось как это так пом. нач. штаба полка ст. лейтенант Кузьмин поддался панике. Кто же еще с ним из командиров? Загадка. Прихожу на сборный пункт, бойцы отдохнули. Но есть нечего. И никто не просит. Разбиваю отряд на 3 группы. Группа прорыва, группа с ранеными и группа прикрытия. Всем объяснил задачу и каков порядок движения. Темнеет быстро.

Кальченко возглавляет первую группу. Он знает место переправы. Пономарев идет с ранеными, я возглавил группу прикрытия. Дорогу перешли благополучно, а на переправе через речку случилось небольшое происшествие.

Кто-то из бойцов сошел левее, где была мель, и по грудь попал в воду. Видимо боец сильно напугался и боялся утонуть. Как закричит истощенным голосом: «Тону! Спасите!» Его кто-то подхватил, вытащили на мель и ругают: «Не видишь, что ли, вешки стоят, тут и надо идти, а не кидаться в стороны». Но все прошло хорошо.

Двигаемся на северо-восток. Идем полем. Прошли, наверное, с час, дозорный слева докладывает, что слева виднеется деревня.

Останавливаю колонну. Посылаю разведку. Где, кроме военных задач, я им поставил добыть картошки, а если деревня не занята немцами, то нам хоть бы раненых накормить и напоить горячим чаем. Разведка ушла.

Мы сели. Нет табаку, нет хлеба, нет оружия, нет боеприпасов. Как же так мы плохо подготовились к войне, а все кричали Ура! Ура! Наша Красная Армия сильна. Хорошо вооружена! Чем? Эх, обидно было слушать справедливые слова бойцов. Ведь я политработник изо дня в день читал, рассказывал о мощи Красной Армии, а сами приехали на фронт с винтовками, где у бойцов было не более 25 – 30 патронов, а война требует доставить вовремя бойцу 100 патронов. У нас этого не было. Бойцам говорю: «Придем в деревню, хлеба и молока не просите». Хозяева предложат немного можно поесть. Картошки можете просить, чаю без сахара тоже можно, но без нормы. А то мы у хозяев хлеб съедем, а они как будут жить. Разведка принесла хорошие вести. Деревня называется Борисовка [Бурцево]. Немцев там нет, и не было. Нас приглашают зайти, накормят и напоят. Сворачиваем на Борисовку [Бурцево]. Встречают у околицы и разбирают бойцов по избам по 5 – 7 чел. С Пономаревым разводим людей. Сами пока в дом не заходим. Успеем. И вот сами зашли. На столе вареная картошка, молоко, хлеба гора, ешь. А как есть? Если совесть твоя не может этого тебе разрешить. Ты военный, тебя вооружили, учили уметь вести современный бой, защищать вот этих твоих хозяев-кормилиц, а ты поешь их хлеб, выпьешь молоко и уйдешь, бросив их безоружных, беззащитных на расправу врагу. Можно ли спокойно есть их хлеб, картошку, молоко? До чего стыдно.

Прошло свыше 25 лет с этого случая, а чувство стыда не покидает до сих пор.

Нас напоили чаем с сахаром, я у пожилого колхозника расспрашиваю, как нам пройти на соединение с частями Красной Армии, и прошу у него закурить. Ведь у нас не только нет боеприпасов, хлеба, карты топографической, но нет и махорки.

Он объясняет, как пройти лесом, что там есть просека, вот она и приведет куда нужно.

Благодарим жителей дер. Борисовки [Бурцево] за радушный прием. Извиняемся, что не можем выполнить их просьбу — дать оружия и боеприпасов, уходим из деревни к лесу. Вошли в лес. Ночь, темень, мы начали кружить. Шли, шли, раненые просят сделать привал. Сильно устали, да и не раненые так же устали.

Делаем привал. Разжигаем костры, чтобы обогреться. Пламя держим небольшое. Люди стали засыпать. Сказалось суточное блуждание по лесу. Мы сидим: Кальченко, я, Андрей Пономарев — обсуждаем, как же нам найти просеку. Местность ведь нам незнакома. На Дальнем Востоке, где мы облазили каждую сопку и чувствовали всегда везде как дома.

Вдруг ночную тишину разорвал гул моторов, мотоциклов. Да уж слишком близко от нас. Погасили костры. Шевченко посылаю узнать, в чем дело?

Он быстро вернулся и докладывает: «Тов. мл. политрук, немцы около 15 шт. мотоциклов с ручными пулеметами. Что-то офицер им говорил, они от нас не более 20 м. Мы от опушки леса ушли недалеко. Кружили».

Подаю команду: «Шагом марш, Кальченко во главе, через час сделать привал. Ждать нас. Группа прикрытия остается со мной. Догоним на привале. Пономареву говорю: «Ты, Андрей, иди замыкающим, чтобы не было отстающих».

Небо прояснилось, стало холоднее, просеку нашли быстро, люди ушли. Мы остались, человек 10 нас было.

Пошел на опушку, где немцы. Выхожу к опушке, слышу немецкую речь. Говорят негромко, курят в рукав. Но огоньки сигарет нет, нет, да мелькнут. Кто сидит на земле, кто в люльках мотоциклов. Кого-то ждут. Значит это разведка. Да мотоциклов много, они виднеются черной большой лентой на дороге.

Иду обратно к своим ребятам, и мы пошли по просеке догонять своих.

Дошли до своего полка безо всяких приключений. Штаб полка находится в дер. Обух ¹⁵. Нормально пришли все. Андрей Пономарев притупил к своим обязанностям начальника боепитания полка, бойцы заняли боевые порядки в окопах. Все вооружены и обеспечены боеприпасами, накормлены. Я сижу в штабе полка и разговариваю с комиссаром полка старшим политруком Иваном Бакановым (отчество его не знаю) о партийных делах, о передовой роли коммунистов в боевых делах нашего полка. Коммунистов осталось немного. Из 140чел. чл. парторганизации осталось человек 15 – 20. Надо растить парторганизацию за счет передовых бойцов или младших командиров, которые своими действиями заслужили это.

Намечаем план работы на ближайшие 10-15 дней. Здесь же сидит нач. штаба полка майор Наумов (имя, отчество не знаю). Очень выдержанный, тактичный, грамотный командир. Дождавшись, когда мы с комиссаром закончим партийные дела, он подает ему список командиров и бойцов, представленных к награждению: «Вы просили Вам напомнить, придет Михайлов и с ним согласовать этот список. Вот он здесь — список представленных к награждению. Штаб дивизии требует быстро им направить этот список». Комиссар передает мне список и говорит: «Как твое мнение? Правильно мы представили или упустили кого-то, ты внеси предложения и пиши характеристики. Щербакова сейчас нет здесь, он в полевом госпитале».

—Что он ранен?

—Нет, прихворнул немного, да пусть день-два отдохнет. Он у нас из комбатов остался один, и вообще командного состава осталось раз, два и все. Все выбыли. Большинство убиты, есть и раненые. А вот ты политработник и тем более секретарь партбюро, тебе надо бывать во всех подразделениях, вести политическую работу по росту парторганизации, политико-воспитательную работу среди командиров и бойцов, нацеливать их на выполнение поставленной задачи и чтобы коммунисты всегда были в первых рядах. Ты же, как был политруком 7 роты в 3-м батальоне, так оттуда и не выходишь, взялся за командование, что несвойственно политработнику, на то есть строевые командиры, пусть они эту работу ведут, а твое, политическая работа, а не командовать.

Я с ним не был согласен. Кто же организует бойцов и мл. командиров, когда из комсостава нет никого. Неужели я должен был их бросить. Нет! Тем более бойцы и мл. командиры 3-го батальона знают меня, и я их знаю. Общий язык мы всегда найдем и они мои команды выполняли. Они верили мне, а доверие бойца командиру в бою, это большое дело.

Здесь я не вижу нарушений субординации. Важно выполнить поставленную задачу, а кто командует, командир или политработник, мне, кажется, роли не играет. Начинаю смотреть список представленных к награждению. К званию Героя Советского Союза, представлены: боец из 2-го батальона и командир 4 стр. роты лейтенант Григорий Глухов. По поводу бойца я не имел ничего против, а вот по поводу Григория Глухова, я стал возражать. Говорю комиссару: «Нет. Глухов не совершил никакого подвига, что бы ему присвоить звание Героя. В моем представлении герои совершают подвиг, нанося урон врагу, а не просто гибнут, не делая врагу вреда».

Чкалов, Байдуков, Беляков, Коккинаки, Серов — вот это герои. Они были трезвыми и шли сознательно на риск, но все же они

победили, а не их победили. Глухов же вместо руководства своей группой и бить врага с меньшей потерей для себя, выпил фляжку водки и заставил так же сделать своего связного, и в бессознательно пьяном состоянии они пошли в штыковую атаку на танк. Танк он не уничтожил, а сам и связной с ним, погибли. Что же здесь геройского-то? Мне непонятно и я не согласен. Вот бойцы 7 роты Виталий ОГНЕВ и старший сержант Дмитрий ПОПОВ бросились под танки со связками гранат. Они погибли, но они знали, что и танки будут уничтожены. Вот это героизм. А это, самоубийство никому ненужное. Я против того, чтобы представлять его к званию Героя Советского Союза.

Майор Наумов молча на нами наблюдал. Картина была, я бы сказал, необыкновенная. Старший политрук одет в командирскую шинель, на ногах хромовые сапоги, в серой шапке, перепоясан португезами полевого снаряжения, петлицы зеленые и на них прямоугольник, знак различия «старший политрук». Против него сидит также перепоясанный португезами, в командирской шинели с красными петлицами, на которых прикреплены два квадратика, знак развития «младший политрук», в белой шапке-ушанке, в белых шерстяных носках и галошах. Комиссар полка Баканов не смог меня убедить в том, что Глухов совершил героический подвиг. Дальше прочитать список представленных к награждению я не успел, но порядковый номер 18 запомнил и сказал, что надо бы добавить туда еще бойцов к награждению.

Майор Наумов говорит: «Мы составим новый список, а этот я пошлю в штаб дивизии».

Входит лейтенант из 17 СП и просит разрешение у майора Наумова обратиться ко мне. Мы садимся на лавку к окну.

Он представляется: «Лейтенант Михайлов — адъютант батальонного комиссара Михайлова Павла Никифоровича, комиссара, 17 СП». Баканов и Наумов также слушают. Вот что он рассказал:

В бой они вступили с немцами раньше, чем наш 322 СП. дня на два или три. Командир полка Бородин в первом же бою ушел к немцам¹⁶, и твой брат стал и командиром и комиссаром полка. Полк все время вел бои в окружении, отходя на восток. Мы не могли ни с кем из других полков соединиться, и все были одни. Боеприпасов, хлеба не было, раненых отправляли на повозках на восток, а доезжали ли они мы не знали. Нас у деревни (а какой я не помню) зажали немцы крепко и все предлагали сдаться, а мы вели бои. Знамя полка было в опасности, тогда комиссар полка Михайлов снял его с древка и, сняв гимнастерку, обернул вокруг тела, снова одел, и знамя снова было с нами. Из окружения мы вырвались ночью и пошли на восток. Подошли к Ратчино хотели спускаться на мост, но немцы открыли пулеметно-автоматный огонь и мы отошли и пошли в обход Ратчино вправо. Перешли речку и около деревни Борисово [Бурцево] заняли оборону. Это было 22-го октября 1941 г. Михайлов руководил боем, находясь в воронке от авиабомбы. Но видно немецкий снайпер был опытный стрелок и когда Михайлов высунулся из воронки, чтобы оглядеть ход боя, пуля вошла чуть пониже каски, прямо в лоб и он сполз на дно воронки.

Партийные и другие бумаги из карманов вытащил. Отвернул орден "Красной Звезды" и все это понес в штаб дивизии и сдал. Михайлова мы зарыли в той же воронке. Вот и все.

Рассказывая мне все это, он плакал. Я задаю ему вопрос: "Когда Вы прибыли в Борисово [Бурцево] и где заняли оборону?" Он рассказал к Борисово [Бурцево] они прибыли часа в 2-3 ночи и заняли оборону северо-восточнее Борисово [Бурцево].

Я уточняю и выходит мы ушли из Борисово [Бурцево] часа за 1,5-2 до прихода 17 СП и мы могли бы там с братом встретиться. Но обстановка не сложилась для нас благоприятна.

Так мы с ним на поле боя ни разу и не виделись. Но я о нем всегда помнил, и я боялся как бы я своими действиями (вдруг я струшу) не опозорил его и нашу фамилию. Но нет. Я его не опозорил. Он для меня и сейчас является примером коммуниста, беззаветного служения своему народу, своей Родине. Личные интересы он ставил ниже и после всех общественных, за что ему (как и мне потом) попадало от жены его. Вот все, что мне стало известно о своем брате — комиссаре 17 СП батальонном комиссаре Павле Никифоровиче Михайлове во время боев на подступах к Москве.

Лейтенанта Михайлова я поблагодарил за это, что он мне все рассказал. Лейтенант Михайлов не является нам родственником, а просто однофамилец. Он ушел ¹⁷Я комиссару говорю: «Вот видишь, какая обстановка на фронте складывается и на все случаи не всегда заготовишь ответы».

Ночью в штабе полка. Какое блаженство спать под крышей в конце октября месяца не то, что в окопе или в лесу. Утром ухожу к бойцам в копы. На нашем участке фронта сравнительно тихо. Ни артогня, ни минометного огня нет, авиация не бомбит. Правда, небо покрыто облаками.

Я нахожусь в окопе с бойцами, ведем разговор о войне и о том, когда же нам дадут танки и артиллерию, что бы остановить фашистов и разгромить их. Во второй половине дня меня вызвал в штаб полка комиссар полка. В это время начался налет авиации на наши позиции. Это было 27.10.41 г. Я не дошел до дома, где располагался штаб полка, метров сто, вдруг меня подняло и бросило на землю. Оправился, встал, в голове гудит, в ушах шум, весь в земле, даже за шиворот попала и по спине скатывается холодным комочком.

Пришел в штаб полка комиссар, что-то говорит, я не слышу. Он кричит, звук чуть слышен, а что он говорит, не слышу. Боец берет меня под руку и показывает на дверь: «Пошли». Предлагает сесть на повозку,

и поехали. Куда? Боец объясняет, что едим в госпиталь. Приезжаем в полевой госпиталь. Уши немного отошли, стал хоть и плохо, но слышать. Командир полка полковник Полянский улыбается, здоровается со мной, говорит: «Отдохни денька два, и ноги опадут. Обуешь сапоги, будешь по форме выглядеть, а то политработник кадровый, а выглядишь как партизан, в этих носках и галошах».

Щербаков там же, сел рядом с ним, рас рассказываю ему, что со мной случилось. Тут санитар подходит и ведет к врачу КУБАСОВУ. Тот послушал и говорит: «В тыл». Мне потом говорит: «Надолго уедешь, болезнь серьезная». И я попал в Москву в госпиталь.

Вот и все мои «боевые» действия по обороне г. Москвы.

Воспоминания написаны моим отцом Алексеем Никифоровичем Михайловым в 1967 году. Перепечатаны мною, Владимиром Алексеевичем Михайловым в 1985 году. Комментарии составлены В.А. Михайловым, дополнены и уточнены составителями сборника.

Комментарии.

^{1.} Так в тексте, хотя стрелкового полка с таким номером в 1941 г. в 32 СД не было.

^{2.} В это время светает не в 5.00, а значительно позже. 3/322 разгрузился в Можайске 13.10. 1941 г. См. Журнал боевых действий 32 СД.

^{3.} 3/322 СП 13.10 сосредоточился в Новой Деревне и состоял временно в резерве командира дивизии. Днем получил задачу выйти в район ст. Бородино, д. Утицы с задачей уничтожения противника в этих районах и выйти к д. Ельня, обеспечивая восстановление переднего края обороны. В течении ночи с 13 на 14. 10. Части дивизии на участке Головочеве, Рогачево, Ельня вели бои с пехотой противника, в котором участвовал 3/322 . См. Журнал боевых действий 32 СД.

^{4.} Копии схем не сохранились .

^{5.} 3/322 с утра 14 октября начал наступать на Утицы, не дойдя до Утиц был атакован танками противника с тыла и флангов, понес потери и отошел на Семеновское. См. Журнал боевых действий 32 СД.

^{6.} 3/322 в ночь на 15.10. получил задачу выдвинуться в район д. Семеновское и,

наступая на юг, овладеть ст. Бородино. У ст. Бородино батальон был встречен организованным огнем противника и, отойдя на опушку леса сев. Ст. Бородино, продолжал вести огневой бой, противник, введя в бой танки, отрезал батальон от полка и своего тыла. См. Журнал боевых действий 32 СД.

⁷. Немцы заняли д. Утицы днем 16.10.

⁸. Наверно имеется ввиду станция Бородино.

⁹. Такой деревни в 1941 г. в Можайском районе не было. Возможно, автор имеет ввиду с. Бородино.

¹⁰. Не верно. 17 октября 1941 года была пятница.

¹². Не верно. 18 октября 1941 года была суббота.

¹³. . Машинисткой при перепечатке с первоисточника пропущен абзац:

«И отдаю: «Вам здоровым взять по раненому, который не может двигаться и идти вон в этот лес, — и показываю направление, — раненые, которые могут двигаться тоже уходят. Идти всем вместе, никого дорогой не бросать, и кого-то назначил старшим».

¹⁴. В тексте указаны деревня Борисово далее Борисовка, такой деревни в указанном районе нет, возможно, речь идет о д. Бурцево.

¹⁵. Возможно название деревни указано не верно.

¹⁶ Не Бородин, а Е.В. Бородинов и не командир полка, а исполняющий обязанности комполка. См.: А. Колмаков «На рубеже бессмертия» Военно-исторический журнал №11 1983 . С. 43. Сведения, сообщенные лейтенантом Михайловым, были не верны. Е.В. Бородинов действительно был в плену, но до того как попал в плен, он выполнял свой воинский долг, руководил полком примерно до 19-20 октября 1941 г. Об этом мне рассказал А.К. Колмаков — бывший командир саперной роты 17 СП 32 Кр. С.Д.

См. также А.К. Колмаков «На рубеже бессмертия» Военно-исторический журнал №11, 1983 г. стр. 43, 44.

¹⁷Со слов А.К. Колмакова лейтенант Михайлов погиб в ноябре-декабре 1941 г.